

В новой школе

Введение

Прочитайте введение. Затем приступайте к выполнению заданий, нажав на кнопку с номером задания.

В НОВОЙ ШКОЛЕ

Думаем, что вам хорошо знакомы книги Нины Сергеевны Дашевской. Сюжеты и герои её произведений почти всегда так или иначе связаны с музыкой. Предлагаем вам небольшой фрагмент её рассказа «Второй». Вам нужно сначала прочитать весь текст, а потом выполнить задания к нему.

В новой школе

Задание 1 / 10

Прочитайте текст «В новой школе», расположенный справа. Запишите свой ответ на вопрос.

Запишите **имя** героя рассказа, от лица которого ведётся повествование.

Запишите свой ответ.

В новой школе

Я поступил в нашу школу, специальную музыкальную, со второго раза и, в общем, случайно; не должен был, но прошёл. Взяли авансом. После меня на экзамене играла Аня Лернер, я слушал из-за двери и понимал, что мне тут нечего делать. Я просто умею ставить пальцы на клавиши. И всё. А делать музыку я не умею. Она звучит у меня внутри, но мои корявые руки не способны воспроизвести её. А Аня может.

И чудом я попал в класс к Марго. Мне сказали: пишите заявление к педагогу, а я никого и не знал, кроме неё.

У неё был концерт в кирхе, там бывают концерты. И мы с мамой пошли. Марго играла Баха. Я тогда оцепенел. Замер от музыки, думал только: «Пускай не кончается, не кончается!» И потом эта музыка звучала в моей голове. Долго, долго...

Ну и я написал заявление к ней, безо всяких надежд, наудачу.

И был зачислен.

Чудо.

Я до сих пор не могу выйти из этого оцепенения, когда Марго говорит мне: «Локоть веди! Играй, Прохор, что ты как амёба!!!»

Они тут все другие. Они с детства. У них руки способны на всё, им остаётся только музыку делать. А я! Со своей деревенской школой – что я могу?!

И я стал делать то, что действительно могу. Смешить. Смешить весь класс.

– Новенький? Как тебя зовут? – просто, по-детски спросила одна девочка. Я потом узнал, что она Оля, флейтистка.

– Про, – сказал я.

– Как?..

– Про! Как противоракетная оборона.

– Ух ты, – сказала Оля, и другие тоже сказали «ух ты», и Аня Лернер, и, может быть, даже Густав.

Густав мне не понравился. «Воображала», – подумал я сразу. Вот Сони́ч – нормальный парень, сразу видно. Свой. А Густав какой-то выпендрёжный. Тонкий шарф, пиджак... Больно следит за своей внешностью, что-то в этом есть неправильное для парня. И фамилия выпендрёжная, и имя – какой-то пазл, искусственное что-то, выдуманное: Густав Август. Анаграмма, имя из тех же букв, что и фамилия. Магический квадрат. Он, кажется, из Риги. В нём есть какая-то заграничность. Смотрит на нас свысока; ну и жил бы

в своей Риге!

Он держался отдельно; в буфете садился один, если столы заняты – на подоконник. Не участвовал в наших общих штуках, когда мы флешмоб против англичанки придумывали... Я даже жалел его. Какой-то аутист, людей боится.

Оказалось, ничего он не боится. Просто ему никто не нужен. Он просто другой. Не мы.

– Пойдём, послушаем, – сказал мне Соныч. Ну, послушаем так послушаем, никто не запрещает.

– Пойдём, а кто сегодня будет? – спросил я.

– Так Густав же, – объяснил Соныч. Удивился моему незнанию. Ведь список репетиций в зале вывешен на двери. И все знают, когда Густав Август.

...В зале было человек тридцать. Нормально для школьника вообще: просто урок, не концерт – откуда они понабежали все?

– Это же Густав, – сказал мне Соныч.

Значит, кто-то раскрутил этого Густава, значит, тут принято, что он талант. А на самом деле всего лишь нужно научиться нажимать правильные клавиши в правильное время. Вот и весь ваш пианизм, всё ваше волшебство...

Да, и сначала он играл – ничего особенного. Ну, хороший пианист. Нормальный.

А потом начался Скрябин. И у меня стул поехал из-под ног.

Не знаю, чем это объяснить. Может, всё очень просто. Просто Густав – гений.

Меня будто крепко взяли и повели за собой. И я пошёл. Как дурак. Так бывает во сне, когда не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой, не чувствуешь туловища, весь становишься одни уши и в груди стучит сердце. И думаешь: «Только бы не кончилось, не кончилось...»

* * *

Ночью я слушал этого Скрябина. В записи разных пианистов. Может, дело не в Густаве? Может, просто такая музыка? Казалось, меня в какую-то воронку засасывает. Никогда такого не было раньше.

Кот раньше не любил пылесос, а потом ничего, втянулся.

И я втянулся. Внутрь этой музыки.

Потом Густав играл на классном концерте, и я ждал: будет такое же волшебство или нет? Когда ждёшь, обычно не бывает. Ничего особенного. А тут – было.

	<p>С тех пор когда я видел его, то хотел побыстрее уйти. Мне было не по себе, что человек, который так умеет, волшебник, – просто сидит рядом, ест, говорит изредка с другими... Но когда я шёл в школу, часто думал: «Вдруг будет Густав? Вдруг?» Гусь лапчатый. Больно надо. Воображала.</p>
--	--

(По Н. Дашевской)

В новой школе

Задание 2 / 10

Воспользуйтесь текстом «В новой школе», расположенным справа. Для ответа на вопрос отметьте нужный вариант ответа.

Почему героя взяли в музыкальную школу только со второго раза?

*Отметьте **один** верный вариант ответа.*

- Потому что он не знал никого из педагогов.
- Потому что он не очень хорошо владел мастерством исполнения.
- Потому что он написал заявление безо всяких надежд, наудачу.
- Потому что он не нравился Густаву.

В новой школе

Я поступил в нашу школу, специальную музыкальную, со второго раза и, в общем, случайно; не должен был, но прошёл. Взяли авансом. После меня на экзамене играла Аня Лернер, я слушал из-за двери и понимал, что мне тут нечего делать. Я просто умею ставить пальцы на клавиши. И всё. А делать музыку я не умею. Она звучит у меня внутри, но мои корявые руки не способны воспроизвести её. А Аня может.

И чудом я попал в класс к Марго. Мне сказали: пишите заявление к педагогу, а я никого и не знал, кроме неё.

У неё был концерт в кирхе, там бывают концерты. И мы с мамой пошли. Марго играла Баха. Я тогда оцепенел. Замер от музыки, думал только: «Пускай не кончается, не кончается!» И потом эта музыка звучала в моей голове. Долго, долго...

Ну и я написал заявление к ней, безо всяких надежд, наудачу.

И был зачислен.

Чудо.

Я до сих пор не могу выйти из этого оцепенения, когда Марго говорит мне: «Локоть веди! Играй, Прохор, что ты как амёба!!!»

Они тут все другие. Они с детства. У них руки способны на всё, им остаётся только музыке делать. А я! Со своей деревенской школой – что я могу?!

И я стал делать то, что действительно могу. Смешить. Смешить весь класс.

– Новенький? Как тебя зовут? – просто, по-детски спросила одна девочка. Я потом узнал, что она Оля, флейтистка.

– Про, – сказал я.

– Как?..

– Про! Как противоракетная оборона.

– Ух ты, – сказала Оля, и другие тоже сказали «ух ты», и Аня Лернер, и, может быть, даже Густав.

Густав мне не понравился. «Воображала», – подумал я сразу. Вот Соне – нормальный парень, сразу видно. Свой. А Густав какой-то выпендрёжный. Тонкий шарф, пиджак... Больно следит за своей внешностью, что-то в этом есть неправильное для парня. И фамилия выпендрёжная, и имя – какой-то пазл, искусственное что-то, выдуманное: Густав Август. Анаграмма, имя из тех же букв, что и фамилия. Магический квадрат. Он, кажется, из Риги. В нём есть какая-то заграничность. Смотрит на нас свысока; ну и жил бы

в своей Риге!

Он держался отдельно; в буфете садился один, если столы заняты – на подоконник. Не участвовал в наших общих штуках, когда мы флешмоб против англичанки придумывали... Я даже жалел его. Какой-то аутист, людей боится.

Оказалось, ничего он не боится. Просто ему никто не нужен. Он просто другой. Не мы.

– Пойдём, послушаем, – сказал мне Соныч. Ну, послушаем так послушаем, никто не запрещает.

– Пойдём, а кто сегодня будет? – спросил я.

– Так Густав же, – объяснил Соныч. Удивился моему незнанию. Ведь список репетиций в зале вывешен на двери. И все знают, когда Густав Август.

...В зале было человек тридцать. Нормально для школьника вообще: просто урок, не концерт – откуда они понабежали все?

– Это же Густав, – сказал мне Соныч.

Значит, кто-то раскрутил этого Густава, значит, тут принято, что он талант. А на самом деле всего лишь нужно научиться нажимать правильные клавиши в правильное время. Вот и весь ваш пианизм, всё ваше волшебство...

Да, и сначала он играл – ничего особенного. Ну, хороший пианист. Нормальный.

А потом начался Скрябин. И у меня стул поехал из-под ног.

Не знаю, чем это объяснить. Может, всё очень просто. Просто Густав – гений.

Меня будто крепко взяли и повели за собой. И я пошёл. Как дурак. Так бывает во сне, когда не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой, не чувствуешь туловища, весь становишься одни уши и в груди стучит сердце. И думаешь: «Только бы не кончилось, не кончилось...»

* * *

Ночью я слушал этого Скрябина. В записи разных пианистов. Может, дело не в Густаве? Может, просто такая музыка? Казалось, меня в какую-то воронку засасывает. Никогда такого не было раньше.

Кот раньше не любил пылесос, а потом ничего, втянулся.

И я втянулся. Внутрь этой музыки.

Потом Густав играл на классном концерте, и я ждал: будет такое же волшебство или нет? Когда ждёшь, обычно не бывает. Ничего особенного. А тут – было.

	<p>С тех пор когда я видел его, то хотел побыстрее уйти. Мне было не по себе, что человек, который так умеет, волшебник, – просто сидит рядом, ест, говорит изредка с другими... Но когда я шёл в школу, часто думал: «Вдруг будет Густав? Вдруг?» Гусь лапчатый. Больно надо. Воображала.</p>
--	--

(По Н. Дашевской)

В новой школе

Задание 3 / 10

Воспользуйтесь текстом «В новой школе», расположенным справа. Для ответа на вопрос отметьте нужные варианты ответа.

Какие предложения помогают понять, что главный герой умеет слушать музыку?

Отметьте все верные варианты ответа.

- И я втянулся. Внутрь этой музыки.
- Вот и весь ваш пианизм, всё ваше волшебство...
- У них руки способны на всё, им остаётся только музыку делать.
- Замер от музыки, думал только: «Пускай не кончается, не кончается!»
- У неё был концерт в кирхе, там бывают концерты.

В новой школе

Я поступил в нашу школу, специальную музыкальную, со второго раза и, в общем, случайно; не должен был, но прошёл. Взяли авансом. После меня на экзамене играла Аня Лернер, я слушал из-за двери и понимал, что мне тут нечего делать. Я просто умею ставить пальцы на клавиши. И всё. А делать музыку я не умею. Она звучит у меня внутри, но мои корявые руки не способны воспроизвести её. А Аня может.

И чудом я попал в класс к Марго. Мне сказали: пишите заявление к педагогу, а я никого и не знал, кроме неё.

У неё был концерт в кирхе, там бывают концерты. И мы с мамой пошли. Марго играла Баха. Я тогда оцепенел. Замер от музыки, думал только: «Пускай не кончается, не кончается!» И потом эта музыка звучала в моей голове. Долго, долго...

Ну и я написал заявление к ней, безо всяких надежд, неудачу.

И был зачислен.

Чудо.

Я до сих пор не могу выйти из этого оцепенения, когда Марго говорит мне: «Локоть веди! Играй, Прохор, что ты как амёба!!!»

Они тут все другие. Они с детства. У них руки способны на всё, им остаётся только музыку делать. А я! Со своей деревенской школой – что я могу?!

И я стал делать то, что действительно могу. Смешить. Смешить весь класс.

– Новенький? Как тебя зовут? – просто, по-детски спросила одна девочка. Я потом узнал, что она Оля, флейтистка.

– Про, – сказал я.

– Как?..

– Про! Как противоракетная оборона.

– Ух ты, – сказала Оля, и другие тоже сказали «ух ты», и Аня Лернер, и, может быть, даже Густав.

Густав мне не понравился. «Воображала», – подумал я сразу. Вот Соне – нормальный парень, сразу видно. Свой. А Густав какой-то выпендрёжный. Тонкий шарф, пиджак... Больно следит за своей внешностью, что-то в этом есть неправильное для парня. И фамилия выпендрёжная, и имя – какой-то пазл, искусственное что-то, выдуманное: Густав Август. Анаграмма, имя из тех же букв, что и фамилия. Магический квадрат. Он, кажется, из Риги. В нём есть какая-то заграничность. Смотрит на нас свысока; ну и жил бы в своей Риге!

Он держался отдельно; в буфете садился один, если столы заняты – на подоконник. Не участвовал в наших общих штуках, когда мы флешмоб против англичанки

придумывали... Я даже жалел его. Какой-то аутист, людей боится.

Оказалось, ничего он не боится. Просто ему никто не нужен. Он просто другой. Не мы.

– Пойдём, послушаем, – сказал мне Соныч. Ну, послушаем так послушаем, никто не запрещает.

– Пойдём, а кто сегодня будет? – спросил я.

– Так Густав же, – объяснил Соныч. Удивился моему незнанию. Ведь список репетиций в зале вывешен на двери. И все знают, когда Густав Август.

...В зале было человек тридцать. Нормально для школьника вообще: просто урок, не концерт – откуда они понабежали все?

– Это же Густав, – сказал мне Соныч.

Значит, кто-то раскрутил этого Густава, значит, тут принято, что он талант. А на самом деле всего лишь нужно научиться нажимать правильные клавиши в правильное время. Вот и весь ваш пианизм, всё ваше волшебство...

Да, и сначала он играл – ничего особенного. Ну, хороший пианист. Нормальный.

А потом начался Скрябин. И у меня стул поехал из-под ног.

Не знаю, чем это объяснить. Может, всё очень просто. Просто Густав – гений.

Меня будто крепко взяли и повели за собой. И я пошёл. Как дурак. Так бывает во сне, когда не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой, не чувствуешь туловища, весь становишься одни уши и в груди стучит сердце. И думаешь: «Только бы не кончилось, не кончилось...»

* * *

Ночью я слушал этого Скрябина. В записи разных пианистов. Может, дело не в Густаве? Может, просто такая музыка? Казалось, меня в какую-то воронку засасывает. Никогда такого не было раньше.

Кот раньше не любил пылесос, а потом ничего, втянулся.

И я втянулся. Внутрь этой музыки.

Потом Густав играл на классном концерте, и я ждал: будет такое же волшебство или нет? Когда ждёшь, обычно не бывает. Ничего особенного. А тут – было.

С тех пор когда я видел его, то хотел побыстрее уйти. Мне было не по себе, что человек, который так умеет, волшебник, – просто сидит рядом, ест, говорит изредка с другими... Но когда я шёл в школу, часто думал: «Вдруг будет Густав? Вдруг?»

Гусь лапчатый. Больно надо. Воображала.

(По Н. Дашевской)

В новой школе

Задание 4 / 10

Воспользуйтесь текстом «В новой школе», расположенным справа. Для ответа на вопрос отметьте нужный вариант ответа.

Почему Густав держится немного обособленно от одноклассников?

*Отметьте **один** верный вариант ответа.*

- Густав просто боится других людей.
- Густав боится, что другие будут шутить по поводу его имени.
- Густав предпочитает общению с одноклассниками одиночество.
- Густав из Риги и не знает русского языка.

В новой школе

Я поступил в нашу школу, специальную музыкальную, со второго раза и, в общем, случайно; не должен был, но прошёл. Взяли авансом. После меня на экзамене играла Аня Лернер, я слушал из-за двери и понимал, что мне тут нечего делать. Я просто умею ставить пальцы на клавиши. И всё. А делать музыку я не умею. Она звучит у меня внутри, но мои корявые руки не способны воспроизвести её. А Аня может.

И чудом я попал в класс к Марго. Мне сказали: пишите заявление к педагогу, а я никого и не знал, кроме неё.

У неё был концерт в кирхе, там бывают концерты. И мы с мамой пошли. Марго играла Баха. Я тогда оцепенел. Замер от музыки, думал только: «Пускай не кончается, не кончается!» И потом эта музыка звучала в моей голове. Долго, долго...

Ну и я написал заявление к ней, безо всяких надежд, неудачу.

И был зачислен.

Чудо.

Я до сих пор не могу выйти из этого оцепенения, когда Марго говорит мне: «Локоть веди! Играй, Прохор, что ты как амёба!!!»

Они тут все другие. Они с детства. У них руки способны на всё, им остаётся только музыку делать. А я! Со своей деревенской школой – что я могу?!

И я стал делать то, что действительно могу. Смешить. Смешить весь класс.

– Новенький? Как тебя зовут? – просто, по-детски спросила одна девочка. Я потом узнал, что она Оля, флейтистка.

– Про, – сказал я.

– Как?..

– Про! Как противоракетная оборона.

– Ух ты, – сказала Оля, и другие тоже сказали «ух ты», и Аня Лернер, и, может быть, даже Густав.

Густав мне не понравился. «Воображала», – подумал я сразу. Вот Соне – нормальный парень, сразу видно. Свой. А Густав какой-то выпендрёжный. Тонкий шарф, пиджак... Больно следит за своей внешностью, что-то в этом есть неправильное для парня. И фамилия выпендрёжная, и имя – какой-то пазл, искусственное что-то, выдуманное: Густав Август. Анаграмма, имя из тех же букв, что и фамилия. Магический квадрат. Он, кажется, из Риги. В нём есть какая-то заграничность. Смотрит на нас свысока; ну и жил бы

в своей Риге!

Он держался отдельно; в буфете садился один, если столы заняты – на подоконник. Не участвовал в наших общих штуках, когда мы флешмоб против англичанки придумывали... Я даже жалел его. Какой-то аутист, людей боится.

Оказалось, ничего он не боится. Просто ему никто не нужен. Он просто другой. Не мы.

– Пойдём, послушаем, – сказал мне Соныч. Ну, послушаем так послушаем, никто не запрещает.

– Пойдём, а кто сегодня будет? – спросил я.

– Так Густав же, – объяснил Соныч. Удивился моему незнанию. Ведь список репетиций в зале вывешен на двери. И все знают, когда Густав Август.

...В зале было человек тридцать. Нормально для школьника вообще: просто урок, не концерт – откуда они понабежали все?

– Это же Густав, – сказал мне Соныч.

Значит, кто-то раскрутил этого Густава, значит, тут принято, что он талант. А на самом деле всего лишь нужно научиться нажимать правильные клавиши в правильное время. Вот и весь ваш пианизм, всё ваше волшебство...

Да, и сначала он играл – ничего особенного. Ну, хороший пианист. Нормальный.

А потом начался Скрябин. И у меня стул поехал из-под ног.

Не знаю, чем это объяснить. Может, всё очень просто. Просто Густав – гений.

Меня будто крепко взяли и повели за собой. И я пошёл. Как дурак. Так бывает во сне, когда не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой, не чувствуешь туловища, весь становишься одни уши и в груди стучит сердце. И думаешь: «Только бы не кончилось, не кончилось...»

* * *

Ночью я слушал этого Скрябина. В записи разных пианистов. Может, дело не в Густаве? Может, просто такая музыка? Казалось, меня в какую-то воронку засасывает. Никогда такого не было раньше.

Кот раньше не любил пылесос, а потом ничего, втянулся.

И я втянулся. Внутрь этой музыки.

Потом Густав играл на классном концерте, и я ждал: будет такое же волшебство или нет? Когда ждёшь, обычно не бывает. Ничего особенного. А тут – было.

	<p>С тех пор когда я видел его, то хотел побыстрее уйти. Мне было не по себе, что человек, который так умеет, волшебник, – просто сидит рядом, ест, говорит изредка с другими... Но когда я шёл в школу, часто думал: «Вдруг будет Густав? Вдруг?» Гусь лапчатый. Больно надо. Воображала.</p>
--	--

(По Н. Дашевской)

В новой школе

Задание 5 / 10

Воспользуйтесь текстом «В новой школе», расположенным справа. Отметьте в таблице нужные варианты ответа.

Верны ли приведённые ниже утверждения?

Отметьте «Верно» или «Неверно» для каждого утверждения.

Утверждение	Верно	Неверно
На концерте в кирхе педагог по музыке играла Скрябина.	☐	☐
Оля, которая спросила у героя, как его зовут, играет на флейте.	☐	☐
Герой удивился, когда увидел, что послушать Густава на репетиции собралось 30 человек.	☐	☐
Густав прекрасно сыграл и во время репетиции, и на классном концерте.	☐	☐
Герой продолжал считать, что в игре Густава ничего особенного нет, просто его кто-то «раскрутил».	☐	☐

В новой школе

Я поступил в нашу школу, специальную музыкальную, со второго раза и, в общем, случайно; не должен был, но прошёл. Взяли авансом. После меня на экзамене играла Аня Лернер, я слушал из-за двери и понимал, что мне тут нечего делать. Я просто умею ставить пальцы на клавиши. И всё. А делать музыку я не умею. Она звучит у меня внутри, но мои корявые руки не способны воспроизвести её. А Аня может.

И чудом я попал в класс к Марго. Мне сказали: пишите заявление к педагогу, а я никого и не знал, кроме неё.

У неё был концерт в кирхе, там бывают концерты. И мы с мамой пошли. Марго играла Баха. Я тогда оцепенел. Замер от музыки, думал только: «Пускай не кончается, не кончается!» И потом эта музыка звучала в моей голове. Долго, долго...

Ну и я написал заявление к ней, безо всяких надежд, наудачу.

И был зачислен.

Чудо.

Я до сих пор не могу выйти из этого оцепенения, когда Марго говорит мне: «Локоть веди! Играй, Прохор, что ты как амёба!!!»

Они тут все другие. Они с детства. У них руки способны на всё, им остаётся только музыку делать. А я! Со своей деревенской школой – что я могу?!

И я стал делать то, что действительно могу. Смешить. Смешить весь класс.

– Новенький? Как тебя зовут? – просто, по-детски спросила одна девочка. Я потом узнал, что она Оля, флейтистка.

– Про, – сказал я.

– Как?..

– Про! Как противоракетная оборона.

– Ух ты, – сказала Оля, и другие тоже сказали «ух ты», и Аня Лернер, и, может быть, даже Густав.

Густав мне не понравился. «Воображала», – подумал я сразу. Вот Сонич – нормальный парень, сразу видно. Свой. А Густав какой-то выпендрёжный. Тонкий шарф, пиджак... Больно следит за своей внешностью, что-то в этом есть

неправильное для парня. И фамилия выпендрёжная, и имя – какой-то пазл, искусственное что-то, выдуманное: Густав Август. Анаграмма, имя из тех же букв, что и фамилия. Магический квадрат. Он, кажется, из Риги. В нём есть какая-то заграничность. Смотрит на нас свысока; ну и жил бы в своей Риге!

Он держался отдельно; в буфете садился один, если столы заняты – на подоконник. Не участвовал в наших общих штуках, когда мы флешмоб против англичанки придумывали... Я даже жалел его. Какой-то аутист, людей боится.

Оказалось, ничего он не боится. Просто ему никто не нужен. Он просто другой. Не мы.

– Пойдём, послушаем, – сказал мне Соныч. Ну, послушаем так послушаем, никто не запрещает.

– Пойдём, а кто сегодня будет? – спросил я.

– Так Густав же, – объяснил Соныч. Удивился моему незнанию. Ведь список репетиций в зале вывешен на двери. И все знают, когда Густав Август.

...В зале было человек тридцать. Нормально для школьника вообще: просто урок, не концерт – откуда они понабежали все?

– Это же Густав, – сказал мне Соныч.

Значит, кто-то раскрутил этого Густава, значит, тут принято, что он талант. А на самом деле всего лишь нужно научиться нажимать правильные клавиши в правильное время. Вот и весь ваш пианизм, всё ваше волшебство...

Да, и сначала он играл – ничего особенного. Ну, хороший пианист. Нормальный.

А потом начался Скрябин. И у меня стул поехал из-под ног.

Не знаю, чем это объяснить. Может, всё очень просто. Просто Густав – гений.

Меня будто крепко взяли и повели за собой. И я пошёл. Как дурак. Так бывает во сне, когда не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой, не чувствуешь туловища, весь становишься одни уши и в груди стучит сердце. И думаешь: «Только бы не кончилось, не кончилось...»

* * *

Ночью я слушал этого Скрябина. В записи разных пианистов. Может, дело не в Густаве? Может, просто такая музыка? Казалось, меня в какую-то

воронку засасывает. Никогда такого не было раньше.

Кот раньше не любил пылесос, а потом ничего, втянулся.

И я втянулся. Внутрь этой музыки.

Потом Густав играл на классном концерте, и я ждал: будет такое же волшебство или нет? Когда ждёшь, обычно не бывает. Ничего особенного. А тут – было.

С тех пор когда я видел его, то хотел побыстрее уйти. Мне было не по себе, что человек, который так умеет, волшебник, – просто сидит рядом, ест, говорит изредка с другими... Но когда я шёл в школу, часто думал: «Вдруг будет Густав? Вдруг?»

Гусь лапчатый. Больно надо. Воображала.

(По Н. Дашевской)

В новой школе

Задание 6 / 10

Воспользуйтесь текстом «В новой школе», расположенным справа. Для ответа на вопрос отметьте нужный вариант ответа.

Почему после выступления Густава на школьном концерте герой всегда хотел поскорее уйти, когда видел Густава? Какое предложение помогает понять это?

Отметьте **один** верный вариант ответа.

- Густав мне не понравился.
- Какой -то аутист, людей боится.
- Мне было не по себе, что человек, который так умеет, волшебник, – просто сидит рядом.
- Но когда я шёл в школу, часто думал: «Вдруг будет Густав? Вдруг?»

В новой школе

Я поступил в нашу школу, специальную музыкальную, со второго раза и, в общем, случайно; не должен был, но прошёл. Взяли авансом. После меня на экзамене играла Аня Лернер, я слушал из-за двери и понимал, что мне тут нечего делать. Я просто умею ставить пальцы на клавиши. И всё. А делать музыку я не умею. Она звучит у меня внутри, но мои корявые руки не способны воспроизвести её. А Аня может.

И чудом я попал в класс к Марго. Мне сказали: пишите заявление к педагогу, а я никого и не знал, кроме неё.

У неё был концерт в кирхе, там бывают концерты. И мы с мамой пошли. Марго играла Баха. Я тогда оцепенел. Замер от музыки, думал только: «Пускай не кончается, не кончается!» И потом эта музыка звучала в моей голове. Долго, долго...

Ну и я написал заявление к ней, безо всяких надежд, наудачу.

И был зачислен.

Чудо.

Я до сих пор не могу выйти из этого оцепенения, когда Марго говорит мне: «Локоть веди! Играй, Прохор, что ты как амёба!!!»

Они тут все другие. Они с детства. У них руки способны на всё, им остаётся только музыку делать. А я! Со своей деревенской школой – что я могу?!

И я стал делать то, что действительно могу. Смешить. Смешить весь класс.

– Новенький? Как тебя зовут? – просто, по-детски спросила одна девочка. Я потом узнал, что она Оля, флейтистка.

– Про, – сказал я.

– Как?..

– Про! Как противоракетная оборона.

– Ух ты, – сказала Оля, и другие тоже сказали «ух ты», и Аня Лернер, и, может быть, даже Густав.

Густав мне не понравился. «Воображала», – подумал я сразу. Вот Соныч – нормальный парень, сразу видно. Свой. А Густав какой-то выпендрёжный. Тонкий шарф, пиджак... Больно следит за своей внешностью, что-то в этом есть неправильное для парня. И фамилия выпендрёжная, и имя – какой-то пазл, искусственное что-то, выдуманное: Густав Август. Анаграмма, имя из тех же букв, что и фамилия. Магический квадрат. Он, кажется, из Риги. В нём есть какая-то заграничность. Смотрит на нас свысока; ну и жил бы в своей Риге!

Он держался отдельно; в буфете садился один, если столы заняты – на подоконник. Не участвовал в наших общих штуках, когда мы флешмоб против англичанки придумывали... Я даже жалел его. Какой-то аутист, людей боится.

Оказалось, ничего он не боится. Просто ему никто не нужен. Он просто другой. Не мы.

– Пойдём, послушаем, – сказал мне Соныч. Ну, послушаем так послушаем, никто не запрещает.

– Пойдём, а кто сегодня будет? – спросил я.

– Так Густав же, – объяснил Соныч. Удивился моему незнанию. Ведь список репетиций в зале вывешен на двери. И все знают, когда Густав Август.

...В зале было человек тридцать. Нормально для школьника вообще: просто урок, не концерт – откуда они понабежали все?

– Это же Густав, – сказал мне Соныч.

Значит, кто-то раскрутил этого Густава, значит, тут принято, что он талант. А на самом деле всего лишь нужно научиться нажимать правильные клавиши в правильное время. Вот и весь ваш пианизм, всё ваше волшебство...

Да, и сначала он играл – ничего особенного. Ну, хороший пианист. Нормальный.

А потом начался Скрябин. И у меня стул поехал из-под ног.

Не знаю, чем это объяснить. Может, всё очень просто. Просто Густав – гений.

Меня будто крепко взяли и повели за собой. И я пошёл. Как дурак. Так бывает во сне, когда не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой, не чувствуешь туловища, весь становишься одни уши и в груди стучит сердце. И думаешь: «Только бы не кончилось, не кончилось...»

* * *

Ночью я слушал этого Скрябина. В записи разных пианистов. Может, дело не в Густаве? Может, просто такая музыка? Казалось, меня в какую-то воронку засасывает. Никогда такого не было раньше.

Кот раньше не любил пылесос, а потом ничего, втянулся.

И я втянулся. Внутрь этой музыки.

Потом Густав играл на классном концерте, и я ждал: будет такое же волшебство или нет? Когда ждёшь, обычно не бывает. Ничего особенного. А тут – было.

С тех пор когда я видел его, то хотел побыстрее уйти. Мне было не по себе, что человек, который так умеет, волшебник, – просто сидит рядом, ест, говорит изредка с другими... Но когда я шёл в школу, часто думал: «Вдруг будет Густав? Вдруг?»

Гусь лапчатый. Больно надо. Воображала.

(По Н. Дашевской)

В новой школе

Задание 7 / 10

Воспользуйтесь текстом «В новой школе», расположенным справа. Для ответа на вопрос отметьте нужные варианты ответа.

Какие приёмы использует автор, чтобы обратить внимание читателей на восприятие героем музыки Баха, которая звучала в кирхе в исполнении Марго?

Отметьте все верные варианты ответа.

- Повтор одного и того же слова
- Восклицательное предложение
- Подчёркивание слов
- Вопросительное предложение
- Высказывание великого музыканта

В новой школе

Я поступил в нашу школу, специальную музыкальную, со второго раза и, в общем, случайно; не должен был, но прошёл. Взяли авансом. После меня на экзамене играла Аня Лернер, я слушал из-за двери и понимал, что мне тут нечего делать. Я просто умею ставить пальцы на клавиши. И всё. А делать музыку я не умею. Она звучит у меня внутри, но мои корявые руки не способны воспроизвести её. А Аня может.

И чудом я попал в класс к Марго. Мне сказали: пишите заявление к педагогу, а я никого и не знал, кроме неё.

У неё был концерт в кирхе, там бывают концерты. И мы с мамой пошли. Марго играла Баха. Я тогда оцепенел. Замер от музыки, думал только: «Пускай не кончается, не кончается!» И потом эта музыка звучала в моей голове. Долго, долго...

Ну и я написал заявление к ней, безо всяких надежд, наудачу.

И был зачислен.

Чудо.

Я до сих пор не могу выйти из этого оцепенения, когда Марго говорит мне: «Локоть веди! Играй, Прохор, что ты как амёба!!!»

Они тут все другие. Они с детства. У них руки способны на всё, им остаётся только музыку делать. А я! Со своей деревенской школой – что я могу?!

И я стал делать то, что действительно могу. Смешить. Смешить весь класс.

– Новенький? Как тебя зовут? – просто, по-детски спросила одна девочка. Я потом узнал, что она Оля, флейтистка.

– Про, – сказал я.

– Как?..

– Про! Как противоракетная оборона.

– Ух ты, – сказала Оля, и другие тоже сказали «ух ты», и Аня Лернер, и, может быть, даже Густав.

Густав мне не понравился. «Воображала», – подумал я сразу. Вот Соне – нормальный парень, сразу видно. Свой. А Густав какой-то выпендрёжный. Тонкий шарф, пиджак... Больно следит за своей внешностью, что-то в этом есть неправильное для парня. И фамилия выпендрёжная, и имя – какой-то пазл, искусственное что-то, выдуманное: Густав Август. Анаграмма, имя из тех же букв, что и фамилия. Магический квадрат. Он, кажется, из Риги. В нём есть какая-то заграничность. Смотрит на нас свысока; ну и жил бы

в своей Риге!

Он держался отдельно; в буфете садился один, если столы заняты – на подоконник. Не участвовал в наших общих штуках, когда мы флешмоб против англичанки придумывали... Я даже жалел его. Какой-то аутист, людей боится.

Оказалось, ничего он не боится. Просто ему никто не нужен. Он просто другой. Не мы.

– Пойдём, послушаем, – сказал мне Соныч. Ну, послушаем так послушаем, никто не запрещает.

– Пойдём, а кто сегодня будет? – спросил я.

– Так Густав же, – объяснил Соныч. Удивился моему незнанию. Ведь список репетиций в зале вывешен на двери. И все знают, когда Густав Август.

...В зале было человек тридцать. Нормально для школьника вообще: просто урок, не концерт – откуда они понабежали все?

– Это же Густав, – сказал мне Соныч.

Значит, кто-то раскрутил этого Густава, значит, тут принято, что он талант. А на самом деле всего лишь нужно научиться нажимать правильные клавиши в правильное время. Вот и весь ваш пианизм, всё ваше волшебство...

Да, и сначала он играл – ничего особенного. Ну, хороший пианист. Нормальный.

А потом начался Скрябин. И у меня стул поехал из-под ног.

Не знаю, чем это объяснить. Может, всё очень просто. Просто Густав – гений.

Меня будто крепко взяли и повели за собой. И я пошёл. Как дурак. Так бывает во сне, когда не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой, не чувствуешь туловища, весь становишься одни уши и в груди стучит сердце. И думаешь: «Только бы не кончилось, не кончилось...»

* * *

Ночью я слушал этого Скрябина. В записи разных пианистов. Может, дело не в Густаве? Может, просто такая музыка? Казалось, меня в какую-то воронку засасывает. Никогда такого не было раньше.

Кот раньше не любил пылесос, а потом ничего, втянулся.

И я втянулся. Внутрь этой музыки.

Потом Густав играл на классном концерте, и я ждал: будет такое же волшебство или нет? Когда ждёшь, обычно не бывает. Ничего особенного. А тут – было.

	<p>С тех пор когда я видел его, то хотел побыстрее уйти. Мне было не по себе, что человек, который так умеет, волшебник, – просто сидит рядом, ест, говорит изредка с другими... Но когда я шёл в школу, часто думал: «Вдруг будет Густав? Вдруг?» Гусь лапчатый. Больно надо. Воображала.</p>
--	--

(По Н. Дашевской)

В новой школе

Задание 8 / 10

Воспользуйтесь текстом «В новой школе», расположенным справа. Запишите свой ответ на вопрос.

Опираясь на текст, объясните, как герой понимает слово «аутист».

Запишите свой ответ.

В новой школе

Я поступил в нашу школу, специальную музыкальную, со второго раза и, в общем, случайно; не должен был, но прошёл. Взяли авансом. После меня на экзамене играла Аня Лернер, я слушал из-за двери и понимал, что мне тут нечего делать. Я просто умею ставить пальцы на клавиши. И всё. А делать музыку я не умею. Она звучит у меня внутри, но мои корявые руки не способны воспроизвести её. А Аня может.

И чудом я попал в класс к Марго. Мне сказали: пишите заявление к педагогу, а я никого и не знал, кроме неё.

У неё был концерт в кирхе, там бывают концерты. И мы с мамой пошли. Марго играла Баха. Я тогда оцепенел. Замер от музыки, думал только: «Пускай не кончается, не кончается!» И потом эта музыка звучала в моей голове. Долго, долго...

Ну и я написал заявление к ней, безо всяких надежд, наудачу.

И был зачислен.

Чудо.

Я до сих пор не могу выйти из этого оцепенения, когда Марго говорит мне: «Локоть веди! Играй, Прохор, что ты как амёба!!!»

Они тут все другие. Они с детства. У них руки способны на всё, им остаётся только музыку делать. А я! Со своей деревенской школой – что я могу?!

И я стал делать то, что действительно могу. Смешить. Смешить весь класс.

– Новенький? Как тебя зовут? – просто, по-детски спросила одна девочка. Я потом узнал, что она Оля, флейтистка.

– Про, – сказал я.

– Как?..

– Про! Как противоракетная оборона.

– Ух ты, – сказала Оля, и другие тоже сказали «ух ты», и Аня Лернер, и, может быть, даже Густав.

Густав мне не понравился. «Воображала», – подумал я сразу. Вот Соне – нормальный парень, сразу видно. Свой. А Густав какой-то выпендрёжный. Тонкий шарф, пиджак... Больно следит за своей внешностью, что-то в этом есть неправильное для парня. И фамилия выпендрёжная, и имя – какой-то пазл, искусственное что-то, выдуманное: Густав Август. Анаграмма, имя из тех же букв, что и фамилия. Магический квадрат. Он, кажется, из Риги. В нём есть какая-то заграничность. Смотрит на нас свысока; ну и жил бы в своей Риге!

Он держался отдельно; в буфете садился один, если столы заняты – на подоконник. Не участвовал в наших общих штуках, когда мы флешмоб против англичанки

придумывали... Я даже жалел его. Какой-то аутист, людей боится.

Оказалось, ничего он не боится. Просто ему никто не нужен. Он просто другой. Не мы.

– Пойдём, послушаем, – сказал мне Соныч. Ну, послушаем так послушаем, никто не запрещает.

– Пойдём, а кто сегодня будет? – спросил я.

– Так Густав же, – объяснил Соныч. Удивился моему незнанию. Ведь список репетиций в зале вывешен на двери. И все знают, когда Густав Август.

...В зале было человек тридцать. Нормально для школьника вообще: просто урок, не концерт – откуда они понабежали все?

– Это же Густав, – сказал мне Соныч.

Значит, кто-то раскрутил этого Густава, значит, тут принято, что он талант. А на самом деле всего лишь нужно научиться нажимать правильные клавиши в правильное время. Вот и весь ваш пианизм, всё ваше волшебство...

Да, и сначала он играл – ничего особенного. Ну, хороший пианист. Нормальный.

А потом начался Скрябин. И у меня стул поехал из-под ног.

Не знаю, чем это объяснить. Может, всё очень просто. Просто Густав – гений.

Меня будто крепко взяли и повели за собой. И я пошёл. Как дурак. Так бывает во сне, когда не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой, не чувствуешь туловища, весь становишься одни уши и в груди стучит сердце. И думаешь: «Только бы не кончилось, не кончилось...»

* * *

Ночью я слушал этого Скрябина. В записи разных пианистов. Может, дело не в Густаве? Может, просто такая музыка? Казалось, меня в какую-то воронку засасывает. Никогда такого не было раньше.

Кот раньше не любил пылесос, а потом ничего, втянулся.

И я втянулся. Внутрь этой музыки.

Потом Густав играл на классном концерте, и я ждал: будет такое же волшебство или нет? Когда ждёшь, обычно не бывает. Ничего особенного. А тут – было.

С тех пор когда я видел его, то хотел побыстрее уйти. Мне было не по себе, что человек, который так умеет, волшебник, – просто сидит рядом, ест, говорит изредка с другими... Но когда я шёл в школу, часто думал: «Вдруг будет Густав? Вдруг?»

Гусь лапчатый. Больно надо. Воображала.

(По Н. Дашевской)

В новой школе

Задание 9 / 10

Воспользуйтесь текстом «В новой школе», расположенным справа. Запишите свои ответы на вопросы.

Главному герою что-то в Густаве нравится, что-то нет.

А. Что нравится?

Запишите свой ответ.

Б. Что **не** нравится?

Запишите свой ответ.

В новой школе

Я поступил в нашу школу, специальную музыкальную, со второго раза и, в общем, случайно; не должен был, но прошёл. Взяли авансом. После меня на экзамене играла Аня Лернер, я слушал из-за двери и понимал, что мне тут нечего делать. Я просто умею ставить пальцы на клавиши. И всё. А делать музыку я не умею. Она звучит у меня внутри, но мои корявые руки не способны воспроизвести её. А Аня может.

И чудом я попал в класс к Марго. Мне сказали: пишите заявление к педагогу, а я никого и не знал, кроме неё.

У неё был концерт в кирхе, там бывают концерты. И мы с мамой пошли. Марго играла Баха. Я тогда оцепенел. Замер от музыки, думал только: «Пускай не кончается, не кончается!» И потом эта музыка звучала в моей голове. Долго, долго...

Ну и я написал заявление к ней, безо всяких надежд, наудачу.

И был зачислен.

Чудо.

Я до сих пор не могу выйти из этого оцепенения, когда Марго говорит мне: «Локоть веди! Играй, Прохор, что ты как амёба!!!»

Они тут все другие. Они с детства. У них руки способны на всё, им остаётся только музыку делать. А я! Со своей деревенской школой – что я могу?!

И я стал делать то, что действительно могу. Смешить. Смешить весь класс.

– Новенький? Как тебя зовут? – просто, по-детски спросила одна девочка. Я потом узнал, что она Оля, флейтистка.

– Про, – сказал я.

– Как?..

– Про! Как противоракетная оборона.

– Ух ты, – сказала Оля, и другие тоже сказали «ух ты», и Аня Лернер, и, может быть, даже Густав.

Густав мне не понравился. «Воображала», – подумал я сразу. Вот Соныч – нормальный парень, сразу видно. Свой. А Густав какой-то выпендрёжный. Тонкий шарф, пиджак... Больно следит за своей внешностью, что-то в этом есть неправильное для парня. И фамилия выпендрёжная, и имя – какой-то пазл, искусственное что-то, выдуманное: Густав Август. Анаграмма, имя из тех же букв, что и фамилия. Магический квадрат. Он, кажется, из Риги. В нём есть какая-то заграничность. Смотрит на нас свысока; ну и жил бы в своей Риге!

Он держался отдельно; в буфете садился один, если столы заняты – на подоконник. Не участвовал в наших общих штуках, когда мы флешмоб против

англичанки придумывали... Я даже жалел его. Какой-то аутист, людей боится.

Оказалось, ничего он не боится. Просто ему никто не нужен. Он просто другой.
Не мы.

– Пойдём, послушаем, – сказал мне Соныч. Ну, послушаем так послушаем, никто не запрещает.

– Пойдём, а кто сегодня будет? – спросил я.

– Так Густав же, – объяснил Соныч. Удивился моему незнанию. Ведь список репетиций в зале вывешен на двери. И все знают, когда Густав Август.

...В зале было человек тридцать. Нормально для школьника вообще: просто урок, не концерт – откуда они понабежали все?

– Это же Густав, – сказал мне Соныч.

Значит, кто-то раскрутил этого Густава, значит, тут принято, что он талант. А на самом деле всего лишь нужно научиться нажимать правильные клавиши в правильное время. Вот и весь ваш пианизм, всё ваше волшебство...

Да, и сначала он играл – ничего особенного. Ну, хороший пианист. Нормальный.

А потом начался Скрябин. И у меня стул поехал из-под ног.

Не знаю, чем это объяснить. Может, всё очень просто. Просто Густав – гений.

Меня будто крепко взяли и повели за собой. И я пошёл. Как дурак. Так бывает во сне, когда не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой, не чувствуешь туловища, весь становишься одни уши и в груди стучит сердце. И думаешь: «Только бы не кончилось, не кончилось...»

* * *

Ночью я слушал этого Скрябина. В записи разных пианистов. Может, дело не в Густаве? Может, просто такая музыка? Казалось, меня в какую-то воронку засасывает. Никогда такого не было раньше.

Кот раньше не любил пылесос, а потом ничего, втянулся.

И я втянулся. Внутрь этой музыки.

Потом Густав играл на классном концерте, и я ждал: будет такое же волшебство или нет? Когда ждёшь, обычно не бывает. Ничего особенного. А тут – было.

С тех пор когда я видел его, то хотел побыстрее уйти. Мне было не по себе, что человек, который так умеет, волшебник, – просто сидит рядом, ест, говорит изредка с другими... Но когда я шёл в школу, часто думал: «Вдруг будет Густав? Вдруг?»

Гусь лапчатый. Больно надо. Воображала.

(По Н. Дашевской)

В новой школе

Задание 10 / 10

Воспользуйтесь текстом «В новой школе», расположенным справа. Отметьте в таблице нужные варианты ответа.

На основе прочитанного определите, являются ли утверждения из приведённой ниже таблицы фактами или мнениями.

Отметьте «**Факт**» или «**Мнение**» для каждого утверждения.

Утверждение	Факт	Мнение
Да, и сначала он играл – ничего особенного.	☐	☐
Вот Соне – нормальный парень, сразу видно.	☐	☐
Что ты как амёба!	☐	☐
Имя из тех же букв, что и фамилия.	☐	☐
Потом Густав играл на классном концерте.	☐	☐

В новой школе

Я поступил в нашу школу, специальную музыкальную, со второго раза и, в общем, случайно; не должен был, но прошёл. Взяли авансом. После меня на экзамене играла Аня Лернер, я слушал из-за двери и понимал, что мне тут нечего делать. Я просто умею ставить пальцы на клавиши. И всё. А делать музыку я не умею. Она звучит у меня внутри, но мои корявые руки не способны воспроизвести её. А Аня может.

И чудом я попал в класс к Марго. Мне сказали: пишите заявление к педагогу, а я никого и не знал, кроме неё.

У неё был концерт в кирхе, там бывают концерты. И мы с мамой пошли. Марго играла Баха. Я тогда оцепенел. Замер от музыки, думал только: «Пускай не кончается, не кончается!» И потом эта музыка звучала в моей голове. Долго, долго...

Ну и я написал заявление к ней, безо всяких надежд, наудачу.

И был зачислен.

Чудо.

Я до сих пор не могу выйти из этого оцепенения, когда Марго говорит мне: «Локоть веди! Играй, Прохор, что ты как амёба!!!»

Они тут все другие. Они с детства. У них руки способны на всё, им остаётся только музыку делать. А я! Со своей деревенской школой – что я могу?!

И я стал делать то, что действительно могу. Смешить. Смешить весь класс.

– Новенький? Как тебя зовут? – просто, по-детски спросила одна девочка. Я потом узнал, что она Оля, флейтистка.

– Про, – сказал я.

– Как?..

– Про! Как противоракетная оборона.

– Ух ты, – сказала Оля, и другие тоже сказали «ух ты», и Аня Лернер, и, может быть, даже Густав.

Густав мне не понравился. «Воображала», – подумал я сразу. Вот Соне – нормальный парень, сразу видно. Свой. А Густав какой-то выпендрёжный. Тонкий шарф, пиджак... Больно следит за своей внешностью, что-то в этом есть неправильное для парня. И фамилия выпендрёжная, и имя – какой-то пазл, искусственное что-то, выдуманное: Густав Август. Анаграмма, имя из тех же букв, что и фамилия. Магический квадрат. Он, кажется, из Риги. В нём есть какая-то заграничность. Смотрит на нас свысока; ну и жил бы в своей Риге!

Он держался отдельно; в буфете садился один, если столы заняты – на подоконник. Не участвовал в наших общих штуках, когда мы флешмоб против англичанки придумывали... Я даже жалел его. Какой-то аутист, людей боится.

Оказалось, ничего он не боится. Просто ему никто не нужен. Он просто другой. Не мы.

– Пойдём, послушаем, – сказал мне Соныч. Ну, послушаем так послушаем, никто не запрещает.

– Пойдём, а кто сегодня будет? – спросил я.

– Так Густав же, – объяснил Соныч. Удивился моему незнанию. Ведь список репетиций в зале вывешен на двери. И все знают, когда Густав Август.

...В зале было человек тридцать. Нормально для школьника вообще: просто урок, не концерт – откуда они понабежали все?

– Это же Густав, – сказал мне Соныч.

Значит, кто-то раскрутил этого Густава, значит, тут принято, что он талант. А на самом деле всего лишь нужно научиться нажимать правильные клавиши в правильное время. Вот и весь ваш пианизм, всё ваше волшебство...

Да, и сначала он играл – ничего особенного. Ну, хороший пианист. Нормальный.

А потом начался Скрябин. И у меня стул поехал из-под ног.

Не знаю, чем это объяснить. Может, всё очень просто. Просто Густав – гений.

Меня будто крепко взяли и повели за собой. И я пошёл. Как дурак. Так бывает во сне, когда не можешь шевельнуть ни рукой, ни ногой, не чувствуешь туловища, весь становишься одни уши и в груди стучит сердце. И думаешь: «Только бы не кончилось, не кончилось...»

* * *

Ночью я слушал этого Скрябина. В записи разных пианистов. Может, дело не в Густаве? Может, просто такая музыка? Казалось, меня в какую-то воронку засасывает. Никогда такого не было раньше.

Кот раньше не любил пылесос, а потом ничего, втянулся.

И я втянулся. Внутрь этой музыки.

Потом Густав играл на классном концерте, и я ждал: будет такое же волшебство или нет? Когда ждёшь, обычно не бывает. Ничего особенного. А тут – было.

С тех пор когда я видел его, то хотел побыстрее уйти. Мне было не по себе, что человек, который так умеет, волшебник, – просто сидит рядом, ест, говорит изредка с

	<p>другими... Но когда я шёл в школу, часто думал: «Вдруг будет Густав? Вдруг?» Гусь лапчатый. Больно надо. Воображала.</p>
--	---

(По Н. Дашевской)